Н. В. ПАТРОЕВА
Петрозаводск

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

Фольклорная ономастика — давно и плодотворно развивающаяся отрасль филологии. Еще в XIX столетии видные отечественные фольклористы, историки, этнографы, описывая персонажей славянской мифологии и устного народного творчества, стремились попутно объяснить происхождение имен сказочных и былинных героев, выявить образный потенциал фольклорной ономастики (вспомним, например, «Славянскую и российскую мифологию» А. Кайсарова (1810), «Краткое обозрение мифологии славян российских» П. Строева (1815), «Славянские древности» П. Шафарина (1837—1848), «Славянскую мифологию» Н. Костомарова (1847), «Поэтические воззрения славян на природу» А. Афанасьева (1865—1869)). Традиции изучения славянских мифонимов, фольклорной антропонимики и топонимики были продолжены видными литературоведами и историками прошлого века (вспомним широко известные труды В. Я. Проппа, Б. А. Рыбакова, В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Э. В. Померанцевой[1] и др.). Функционирование имен собственных в различных жанрах русского фольклора неоднократно становилось предметом специального анализа и в целом ряде лингвопоэтических работ[2].

© Патроева Н. В., 2004

[1] См., напр.: *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1958; *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974; *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Этот активный интерес представителей различных наук к ономастической проблематике не случаен: система имен собственных в концентрированном виде представляет историю культуры каждого народа, концептуальную и образно-символическую структуру этнической картины мира. Поэтому несомненно, что лексическое значение имени собственного обладает «национально-культурным компонентом»[3]. Кроме того, поскольку в сфере имен собственных, лишенных сигнификативного (понятийного) компонента значения, «происходит отождествление слова и денотата»[4], имя и миф (а значит, и фольклор) «непосредственно связаны по своей природе»[5]: ситуация именования вещи может рассматриваться как акт ее творения, узнавания, познания.

Различные группы имен собственных позволяют полнее высветить жанровую специфику фольклорных текстов. Не составляет исключения в этом смысле и именник народной обрядовой и необрядовой лирики. Между тем в известных исследованиях, посвященных поэтике фольклорной песни[6], отсутствуют специальные ономастические разделы (встречаются лишь отдельные упоминания о тех или иных антропонимах, топонимах и т. п.), поэтому задача структурно-функционального анализа различных видов имен собственных, встречающихся в текстах русских народных лирических песен (хороводно-игровых, плясовых, шуточных, любовных, семейных, солдатских, разбойничьих, рабочих и др.[7]), представляется нам весьма интересной и актуальной.

---

[2] *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983; *Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. Казань, 1964. С. 98—188; *Листрова-Правда Ю. Т.* Собственное личное имя в пословицах и поговорках, собранных В. И. Далем // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 2001. С. 110—111; *Пеньковский А. Б.* Ономастическое пространство русского былевого эпоса как модель его художественного мира // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988. С. 34—38.

[3] *Листрова-Правда Ю. Т.* К изучению русских антропонимов как носителей лингвострановедческой информации // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983. С. 76.

Так, обращает на себя внимание тот факт, что среди песенных антропонимов меньшую часть составляют полные (официальные) формы мужских и женских имен, освященных давней традицией употребления, как правило, широко распространенных и известных по святцам: *Иван, Федор, Наталья, Анна, Матрена, Гаврила, Никита, Селифан, Акулина, Пров, Трифон,* в том числе народно-разговорные варианты канонических имен (ср.: Иван — Иоанн, Матрена — Матрона, Гаврил — Гавриил). Гораздо чаще встречаются краткие, усеченные и суффиксально-оценочные формы личных имен: *Ванюша, Ванюшка, Ваня, Иванька, Иванушка; Катя, Катенька, Катеринка, Катюшенька, Катюшка; Маша, Маруся, Марьюшка, Марушенька; Дуня, Дуняша, Дунюшка, Дуняшка; Параня, Прасковьюшка; Матренушка, Варюшка, Аксютушка, Аринушка, Оленушка, Олюшка, Пашенька, Пелагеюшка, Любушка, Галя, Аннушка; Григорьюшка, Никитушка, Михайлушка, Сеня, Володя, Петруша, Петрушенька, Андреюшка, Александрушка, Вася, Николушка, Яшенька.* Суффиксы субъективной окраски, по преимуществу уменьшительно-ласкательные, помогают подчеркнуть выражаемое в песне чувство, отношение к любимому, близкому человеку. Суффиксы с насмешливо-пренебрежительной коннотацией, напротив, редки: *Ивашка, Яшка, Хомка, Пахомка, Гришка, Гаврюшка.*

---

[4] *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Миф — имя — культура // Успенский Б. А. Избр. труды. Т. 1. М., 1994. С. 301.

[5] Там же.

[6] Напр.: *Колпакова Н. П.* Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962; *Акимова Т. М.* О поэтической природе народной лирической песни. Саратов, 1966; *Лазутин С. Г.* Русские народные песни. М., 1965; *Сидельников В. М.* Поэтика русской народной лирики. М., 1959; *Еремина В. И.* Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978; *Хроленко А. Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, 1981; *Круглов Ю. Г.* Русские обрядовые песни. М., 1989.

[7] Иллюстрации здесь и далее приводятся по изд.: Лирические песни / Сост., предисл., подгот. текстов и примеч. П. С. Выходцева. М., 1990. Общий объем выборки имен собственных из этого сборника, в который вошла 731 песня, составил 718 примеров. В скобках за текстом указана страница данного издания.

Сфера преимущественного использования полных и кратких, фамильярных, вариантов личных имен — хороводно-игровые и любовные песни.

Очень редко употребляются в песенном жанре бинарные сочетания «имя + отчество» или «имя + фамилия» лирического персонажа: *Иван Федорович, Иван Александрович, Сидор Карпович, Ермил Пантелеевич, Марья Петровна, Иванушка Харламович, Панкратий Климыч, Фекла Герасимовна, Григорий Михайлович, Николай Дмитрич, Михайло Иванович, Федосья Петровна, Алена Ивановна; Дуняшка Фомина*. Иногда по ходу развертывания текста чередуются, замещают друг друга имя и отчество героя: *Машенька > Степановна, Андреюшка > Яковлич*. Единична репрезентация героя (пожилой женщины) только с помощью отчества: *Пахомовна*. Полагаем, лирика избегает всегда в большей степени индивидуализирующего персонаж совместного употребления имени и отчества, фамилии с целью усиления обобщенного характера поэтического образа. Кроме того, в крестьянской среде, где и создавались фольклорные произведения, отчества и фамилии вообще были мало распространены вплоть до недавнего времени.

Военные же, разбойничьи и рабочие песни, напротив, характеризуются преобладанием сочетаний личных имен, отчеств и фамилий с приложением, подчеркивающим социальный, профессиональный статус, национальность героев, большинство из которых — реальные исторические деятели: *граф Пашкевич* (искаженное Паскевич), *казак Ермак Тимофеевич, граф Долгорукий, атаман Иван Иванович Фролов, граф Гудович, майор Дадымов, князь Бейбутов, князь Голицын, атаман Повольской, заводчики Титов* и *Матюшин, купец Каулин, мастер Лексей Иванович, вор Копейкин*. Без существительных-приложений употребляются антропонимы лишь самых известных исторических лиц, не нуждающихся в специальном указании на их социальный статус: *Петр Первый, Стенька Разин (Степан Тимофеевич), Демидовы*.

Имена и отчества в единичных случаях используются в качестве кличек животных: *Аксинья* и *Василий* (клички свиней), *Саве-*

льевна (сова — ассоциация по созвучию), в том числе при олицетворении:

Совушка не спесива,
Савельевна не горделива,
Сама пришла незваная... (217)

Обширна география народной песни. При этом для именования большой родины используются два варианта: *Русь* и ласковое *Россиюшка*.

Не очень богатым оказывается, однако, реестр российских городов: *Москва, Рязань, Казань, Питер, Новгород, Нижний Новгород, Ярославль, Соликамск, Кострома, Полтавушка, Саратов, Астрахань*. Песенная география, сложившаяся в основном еще до Нового времени, существенно расширяется не столько за счет урбанонимов, сколько благодаря гидронимам (реки *Волга, Дон, Дунай, Нева, Яуза, Урал, Иртыш, Ока, Колыма, Казанка, Керженка, Камышенка, Демьянка, Валдайка, Белая, Томак, Кубань; Круглое озеро* и *Байкал; Черное, Каспицкое / Хвалынское, Азовское моря*), названиям гор (*Казбецкие, Зауральские, Кубанские, Змеины, Шат-гора, гора Ильинка*), сел (*Преображенское, Царицыно, Войское, Крашинское*), краев (*Сибирь*), «сторонок» и «слободок» (*Московская, Волоцкая, Обозерска*), островов (*Васильевский, Камынин*).

Уточняют пространственные координаты лирического сюжета названия улиц и площадей (*Красная площадь, улицы Серинска, Митровка, Петровка*). Таким образом, народная лирика характеризуется преобладанием широко известных реальных топонимов.

Для песенной топонимики очень характерны атрибутивные бинарные сочетания «прилагательное (индивидуализирующее имя) + существительное (приложение — родовое понятие)»: *Моздокская степь, Саратовская степь, Заводское поле, Лопьяльское поле, Питерская дорожка, Тульская дорога, Капкайская линия, Ладожска канавушка, Симбирский острог, Троицево-Сергиева темница, Болорецкий завод, Сибирский шлях*. Особенно часто подобные об-

разования встречаются в текстах военных, разбойничьих и тюремных песен.

Зарубежье, этнически и культурно «чужой», далекий и враждебный мир, почти не представлен в песенной топонимике. Исключение составляют *Туретчина, Французская земля, город Гаген* (очевидно, искаженное название Гааги).

Интересно, что такие важные для реконструкции славянского этногенеза гидронимы, как *Дон* и *Дунай* (очерчивающие западную и восточную границы прародины славян), ласково называются «сынами Ивановичами», чем подчеркивается исконная близость этих рек «своему», родному, русскому миру, а также персонификация по типу маскулинизации (мужские образы — персонажи), уходящая корнями в мифологию[8].

Прозвище «сын Горынович» получает в одной из казачьих песен и река *Яик*, чьи берега «костьми белыми... усеяны, кровью алой молодецкою упитаны»:

Яик ты наш, Яикушка, Яик, сын Горынович! (445)

Прилагательное *Горынович*, очевидно, контаминирует в своем значении несколько смыслов: «горе», «гореть», «гора», «Горыня» (сказочный чудо-великан, брат Усыни и Дубыни) и генетически близкий ему «Змей Горыныч»[9].

Крайне редко в песенных текстах встречаются иные топонимы — сказочно-былинного происхождения: *Калин-мост (Калинов мост), Буянов остров, река Смородина*.

---

[8] См. подробнее: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Мифологические географические названия рек как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 109—120. Ср. с феминизацией образа Днепра: *Гин Я. И.* Днепр — Непра — Леепр: о поэтике гидронима в фольклоре и литературе // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1992. С. 109—116.

[9] Мифологический словарь. М., 1990. С. 160.

Наиболее активны топонимы в ямщицких, бурлацких, тюремно-каторжных, разбойничьих и военных песнях. В целом же песенному топосу свойственно «мифологическое понимание пространства: оно представляется не в виде... континуума, а как совокупность отдельных объектов, носящих собственные имена. В промежутках между ними пространство как бы прерывается, следовательно, не имея такого... основополагающего признака, как непрерывность»[10].

Временные координаты лирического сюжета вводятся в основном с помощью нарицательных имен и наречий. В нашем материале отмечены две репрезентации темпоральных собственных лексем — *Крещение* и *Петров день* — в одной из казачьих песен[11]:

...не дай же нам Бог на тихом-то Дону да погинути,
Середи-то лета о Петрове дни пересохнути,
Середи-то зимы да о Крещеньи да перемерзнути... (461)

В качестве собственного имени в контекстах с персонификацией функционирует существительное Горе, причем в одной из песен наблюдается феминизация персонажа[12] при олицетворении, так что имя изменяет исходную родовую форму (по ассоциации, вероятно, с такими существительными, как беда, доля, судьба, кручина):

Из-под бережка, из-под крутого
Выходила Горя,
Она лычком подпоясана,
Ремнем подобута. (471)

---

[10] *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Миф — имя — культура. С. 302.

[11] В материале обрядовой песни, приводимом Ю. Г. Кругловым, отмечены и такие темпоральные имена собственные, как Рождество, Масленица, Купала, Егорьев день (*Круглов Ю. Г.* Русские обрядовые песни. М., 1989. С. 32, 218—219, 225).

[12] О родо-половой характеристике существительного ГОРЕ при олицетворении см.: *Афанасьев А. Н.* Древо жизни. М., 1982. С. 370; *Гин Я. И.* Поэтика грамматического рода. Петрозаводск, 1992. С. 92—99.

Что касается общих особенностей употребления имен собственных в народных песенных текстах, то хотелось бы выделить в качестве основных следующие:

1) повтор имени (точный и неточный) в пределах одного текста, подчеркивающий внутритекстовые связи;

2) двойной повтор предлога — при имени собственном и при приложении к нему:

Сама по воду пошла,
На реченьку на Неву... (277);

3) постпозитивные оценочные приложения при антропонимах и топонимах: *на Васю-молодца* (97), *у Ивана-кудряша* (166), *до родимой Волги-матушки* (486);

4) участие в создании формульного континуума: *Волга мать-река* (531), *Питер — Москва* (417), *Фома и Ерема* (219), *свет Григорий* (184), *душа Никола* (241);

5) употребление имени и отчества в разных стихах (на соседних строках):

Я вечор с Николаем пожурилась, побранилась,
Я вечор с Дмитричем порассорилась... (241)

Ты ли, Машенька,
Ты ли, Степановна? (174)

Лирика, как известно, по самой своей природе безымянна и превращает «каждый случай индивидуального переживания... в модель отношений между более или менее обобщенным Я ("всяким я") и действительностью»[13], поэтому, по словам Т. Сильман, «именно обобщающее местоимение, а не индивидуализирующее имя оказывается... адекватным лирическому заданию»[14]. Личные

[13] *Сильман Т. И.* Синтактико-стилистические особенности местоимения // Вопросы языкознания. 1970. № 4. С. 84.
[14] Там же.

местоимения *я, ты, он, она* зачастую заменяют в лирике имена персонажей. Не удивительно поэтому, что частотность имен собственных минимальна в самых «лиричных» фольклорных жанрах — любовной, семейной, социально-бытовой песне. Здесь ономастическая лексика, утрачивая свою жесткую конситуативную обусловленность, максимально расширяет референтную отнесенность, получая предельно обобщенное, в том числе оценочное, значение. Степень обретаемой в лирическом фольклорном тексте нарицательности антропонимов и топонимов зависит от активности функционирования и известности собственного имени. Не случайно максимальной частотностью в фольклорно-песенном тексте обладают такие широко распространенные и любимые в народе личные имена, как *Иван, Марья, Дуня,* среди топонимов и гидронимов — *Волга, Дунай*[15], *Дон, Москва.* Таким образом, имена в лирической песне выступают как обобщенные знаки — символы героев-возлюбленных, хронотопных единиц и т. д., с которыми связан фольклорно-поэтический сюжет — развитие выражаемого в песне чувства.

Узкие рамки статьи, к сожалению, не позволяют нам детально осветить все особенности функционирования фольклорно-песенной ономастики, однако и тех, которые были здесь отмечены, полагаем, вполне достаточно, чтобы оценить, насколько богатым экспрессивно-образным потенциалом обладает лирический именник русской народной поэзии.

[15] Упомянем попутно, что, как указывал еще Ф. И. Буслаев, в древнюю пору всякая река, опасная и бурная, звалась Дунаем (*Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 303—304).